

ANDRZEJ DE ŁAZARI
(Uniwersytet Łódzki)

Гегельянство в почвенническом восприятии (Достоевский, Григорьев, Страхов)*

Отрицание необходимо, иначе человек так бы и заключился на земле, как клоп. Отрицание земли нужно, чтобы быть бесконечным. Христос, высочайший идеал человека, нес в себе отрицание земли, ибо повторение его оказалось невозможным. Один Гегель, немецкий клоп, хотел все примирить на философии и т.д.

Ф. Достоевский (*Записная тетрадь 1875–1876 гг.*;
XXIV, 112)

Для Достоевского Гегель – „немецкий клоп”, и мы редко встречаем его имя в наследии писателя. А ведь было время, когда философ привлекал внимание Достоевского – в письме брату Михаилу из Омска (февраль 1854) Федор Михайлович просил прислать ему Коран, *Критику чистого разума* Канта и „непреренно Гегеля, в особенности Гегелеву...” И вот – вопрос что? В *ПСС* – „Историю философии” (28/1, с. 173; без никаких комментариев в примечаниях). В других источниках – „философию истории”¹. Вопрос существенный, так как дальше следует предложение: „С этим вся моя будущность соединена!” (с восклицательным знаком!)². Ведь в дей-

* „Dostoevsky Studies. The Journal of the International Dostoevsky Society”, Vol. VIII, 2004, pp. 122–129.

¹ Так у В. А. Бачинина, в статье *Достоевский и Гегель. (К проблеме разорванного сознания)*, ссылавшегося на „П., I, 139”. См.: *Достоевский. Материалы и исследования*, 3, Ленинград 1978, с. 14.

² Борис Тихомиров посоветовал мне доверить свидетельству Страхова: „В ссылке он [Достоевский], как видимо, предполагал взяться за серьезные занятия и просил брата выслать ему историю философии Гегеля в подлиннике; но книга осталась нечитанною, и он подарил ее мне вскоре после первого знакомства” (*Достоевский в воспоминаниях современников*, Москва 1990, т. 1). Окончательно подтвердил это проф. Владимир Захаров, присылая мне копию подлинника письма.

ствительности вся „будущность” писателя „соединена” с критикой русского левого гегельянства. В это время „Гегель был властителем дум в Европе”, но с другой стороны, по словам Шестова, „Достоевский, надо думать, никогда не читал ни одной строчки Гегеля”. Шестов однако добавляет: „но Достоевский еще в ту пору, когда он принадлежал к кружку Белинского, усвоил себе в достаточной мере основные положения гегелевской философии. Достоевский обладал необычайным чутьем к философским идеям, и ему достаточно было того, что привозили из Германии друзья Белинского”³. Я добавил бы еще: позже у Достоевского были два учителя философии – Аполлон Григорьев и Николай Страхов. Первый был шеллингианцем, романтиком-антигегельянцем, воспринимавшим историю интуитивно, „чувством”; второй был гегельянцем, упрямым рационалистом, в мировоззрении которого некоторые находят даже позитивистские элементы. Но это, как ни парадоксально, не помешало им создавать вместе с братьями Достоевскими одно почвенническое мировоззрение.

Аполлон Григорьев увлекался философией Гегеля во время учебы в университете, но потом стал решительно отрицать гегельянский историзм („историческое воззрение”) – отождествляя его, как и Достоевский, с левым гегельянством – и противопоставляя ему „органическое воззрение”, опирающееся на шеллингианское интуитивное познание („историческое чувство”). По мнению Григорьева, в основе гегельянства, „в какие бы формы оно ни облекалось, лежит совершенное равнодушие, совершенное безразличие нравственных понятий”⁴ во имя идеи безграничного развития, где „всякая минута мировой жизни является переходною формою к другой переходной форме”. Гегель якобы забыл о душе человека, „всегда единой, всегда одинаково стремящейся к единому идеалу правды, красоты и любви”, и провозгласил идеал теоретического абстрактного кумира „духа человечества”. Провозглашая идею безграничного развития, он одновременно произвольно и нелогично – пишет Григорьев – „останавливает все развитие на германском племени, яко на крайнем его пределе”.

Для Григорьева гегельянство является абстрактной, теоретической философией, целиком оторванной от „живой жизни”. Теория и жизнь – вот Запад и Восток для Григорьева⁵.

Очередной основоположник почвенничества, Николай Страхов, как ни странно – гегельянец, который всю жизнь посвятил борьбе за самобытность русской культуры, что наиболее полное отражение нашло в его трехтомной книге *Борьба с Западом в нашей литературе*. Страхов принадлежал к крупнейшим эрудитам. Благодаря его переводам русское общество

³ Л. И. Шестов, *Киркегард и экзистенциальная философия (глас вопиющего в пустыне)*. Вместо предисловия. *Киркегард и Достоевский*, // <http://vehi.narod.ru/shestov/kirkegar/00.html>

⁴ А. Григорьев, *Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства* (1858), // А. Григорьев, *Литературная критика*, Москва 1967, с. 130. Интересно, что сегодня такого же мнения наш коллега Юрий Карякин (см.: *Гегель и апокалипсис?*, // *Дневник русского читателя*, „Октябрь”, 1997, №11).

⁵ Больше об этом см.: А. Lazari, „*Ostatni romantyk*” *Apollon Grigorjew*, Katowice 1996.

смогло познакомиться с такими книгами как *История философии* К. Фишера, *Жизнь птиц* А. Брема, *История материализма* Ф. Ланге, *Введение в экспериментальную медицину* К. Бернара и *Об уме и познании* И. Тэна. Ему принадлежит ряд работ, посвященных западной мысли, Э. Ренану, Д. Штраусу и другим. Он выступал с острой критикой левого гегельянства, материализма и эмпиризма, взглядов Молешотта, Фогта и Бюхнера, отрицал материализм Фейербаха, Чернышевского и Лаврова, а позитивизм рассматривал как одно из проявлений кризиса западно-европейской мысли, как подтверждение неминуемого падения цивилизации Запада⁶.

В разные периоды своей жизни Страхов по-разному формулировал отношение к гегельянству. В 1860 г. он написал обширную статью о *Значении гегелевой философии в настоящее время* („Светоч”, 1860, № 1, с. 3–51). В 1873 г. в письме Льву Толстому он отрекся от Гегеля, от неперемного правомочного прогресса в умственном развитии человечества и от идеи, что разум управляет историей, что история – развитие идей⁷. Однако в конце жизни, в письме Николаю Гроту, назвал себя гегельянцем, упорно держащимся диалектического метода⁸.

Разницы в понимании наследия Гегеля, а также противоречивые высказывания самого Страхова привели к тому, что нет единомыслия в оценке его гегельянства. В характеристике, какую получил он, когда Психологическое общество избирало его вместе с Л. Толстым почетным членом, сказано: „Как философ, Н.Н. является оригинальным представителем особого мирозерцания, примыкающего к левой фракции гегельянства...”⁹. В свою очередь, первый биограф Страхова, Борис Никольский, утверждает, что он „отнодь не был гегельянцем, как и вообще не принадлежал за всю свою жизнь ни к какой школе, ни к какой партии”¹⁰. Те же разногласия среди современных исследователей¹¹.

Для Страхова „Гегелевская философия есть завершение того мышления, которое стремится к органическому пониманию вещей”¹². „В самой сущности гегелева взгляда лежит примирение всех взглядов, учений, их

⁶ Некоторые современные исследователи забывают, что в то же время в России жили и писали о философии два Н. Н. Страхова и из двух „делают” одного! Полнее об этом: А. de Lazari, *W kregu Fiodora Dostojewskiego. Poczwiennictwo*, Łódź 2000, s. 16–17; а также: Н. Ильин, *Н. Н. Страхов как метафизик*, „Русское самосознание”, № 3, // <http://www.nationalism.org/russamos/03-03.htm#1a>

⁷ *Переписка Л. Толстого с Н. Страховым*, С.-Петербург 1914, с. 23.

⁸ *Н. Грот в очерках, воспоминаниях и письмах*, С.-Петербург 1911, с. 253.

⁹ См.: Н. Грот, *Памяти Н. Страхова*, „Вопросы философии и психологии”, 1896, № 2, с. 300.

¹⁰ См.: Б. Никольский, *Николай Николаевич Страхов*, „Исторический вестник”, 1896, № 4, с. 231.

¹¹ См.: А. de Lazari, *W kregu Fiodora Dostojewskiego*, s. 138–139; У. Гуральник, *Н. Страхов – литературный критик*, „Вопросы литературы”, 1972, № 7, с. 140; L. Gerstein, *Nikolai Strakhov*, Cambridge 1971, p. 23; А. Walicki, *Rosyjska filozofia i myśl społeczna od Oświecenia do marksizmu*, Warszawa 1973, p. 326.

¹² Н. Страхов, *Органические категории*, „Журнал Министерства народного просвещения”, 1861, № 3, с. 72.

взаимное понимание, их слияние воедино". Гегельянство – не пантеизм, не нигилизм, не обожествление человечества. Оно прежде всего рационализм¹³. Именно рационализм Гегеля привлекал прежде всего Страхова, в отличие от Достоевского и Григорьева. Все наследие этого почвенника свидетельствует о том, что разум был для него самым большим авторитетом. Доказывая *Значение гегелевой философии в настоящее время*, Страхов приводит сказку о Солнце, которому донесли, что на Земле темно. Солнце решило проверить донос. Куда бы оно однако ни заглянуло, везде было светло. С Солнцем Страхов сравнивает разум, который не виноват в том, что темно там, куда он не светит¹⁴.

Конечно, защита гегелевского рационализма не мешала Страхову верить в Бога и критиковать материализм и эмпиризм. Именно с рациональной точки зрения в 60-е годы выступает он с резкой критикой вульгарного материализма (Moleschott, Vogt, Büchner), а также антропологического материализма Фейербаха, Чернышевского и Лаврова. Антропологическому материализму Страхов противопоставил свой антропоцентризм, основанный на Гегелевском диалектическом идеализме: „Формальная сторона гегелевской философии есть ее существенная сторона и остается до сих пор неприкосновенною, составляет до сих пор душу всего, что можно считать научным движением”¹⁵. Мир – это целое, – говорит Страхов, – однако целое одушевленное, в котором не существует ничего случайного. Все соединяется в нем органически, создавая иерархическую структуру, центром которой является человек¹⁶. Человек, однако, не довольствуется этим и постоянно пытается порвать нити, соединяющие его с органическим единством мироздания, стремится найти центр в каком-нибудь другом месте, в иных мирах, ищет разрешения в постижении нерационального, в чем-то далеком, а не в самом себе. Для человека, по мнению Страхова, самой высокой ценностью и исходной точкой для всех раздумий о мире должен быть он сам, и только в себе, а не вне себя, он может обрести тайну своего бытия.

Провозглашая идею антропоцентризма, Страхов никогда не отвергал Бога. Человек был для него центром органического мира, ибо был сотворен по образу и подобию Бога, и в этом заключается его совершенство. Естественные же науки, доказывающие преимущество человека перед другими существами, всего лишь подтверждают эту правду. Материализм не в состоянии постигнуть понятие Бога, так как он стремится к представлению и воображению всего, а Бог, как абсолют, не поддается человеческому представлению. Понять Бога можно лишь посредством мышления и поэтому самым существенным для познания является разум.

¹³ Н. Страхов, *Значение гегелевой философии в настоящее время*, // *Философские очерки*, С.-Петербург 1895, с. 18.

¹⁴ Там же, с. 21.

¹⁵ Н. Страхов, *Мир как целое*, С.-Петербург 1892, с. VI.

¹⁶ Там же, с. VII–XII.

Кроме рационализма, Гегель привлекал Страхова мыслью о неизбежном и оправданном бытии всякого исторического явления. Все существующее влияет на развитие человека и оправдано в своем месте и времени¹⁷.

Как я упомянул, для Григорьева такой индифферентизм по отношению к историческим явлениям был чем-то неморальным. Кроме того, Григорьев критиковал Гегеля за приостановление идеи бесконечного развития на прусском государстве. Те же претензии к Гегелю предъявил один из идеологов немецкого либерализма, Рудольф Гайм (Rudolf Haym), в нашумевшей работе *Гегель и его время* (1857)¹⁸, переведенной на русский язык в 1861 г.¹⁹, в которой Гегель представлен как сторонник реакционного пруссачества. Нет доказательств, что Страхов ведет спор с Григорьевым, однако, ссылаясь на работу Карла Розенкранца (Karl Rosenkranz) *Защита Гегеля против д-ра Р. Гайма* (1858)²⁰, решительно сопротивляется трактовке Гегеля как реакционера, доказывая, что против немецкого философа выступили и протестантизм, и прусское государство, призывая Шеллинга опровергнуть Гегелевскую систему²¹.

Неправда также, говорит Страхов, что Гегель равнодушен к добру и злу. Следует просто понять, что мысль сама по себе всегда индифферентна, в отличие от чувств и человеческой деятельности²².

Левое гегельянство Страхов считал неизбежным и нужным явлением в развитии истории, однако только на данном этапе этого развития: „не даром впоследствии гегельянцы стали горячо разделять революционные и главным образом социалистические стремления Европы. Был в этой системе зародыш, который должен был породить Штрауса, Фейербаха, Макса Штирнера и пр. и пр.“²³ Левое гегельянство Страхов рассматривал как одностороннее толкование системы Гегеля, породившее самое большое зло и недоразумение в европейской мысли – нигилизм. Именно развитие нигилизма (в России в концепциях т.н. революционных демократов и народников) вызывало критическое отношение Страхова к теории прогресса. Борьбе с нигилизмом посвятил он, подобно Достоевскому, большую часть своей жизни.

Благодаря гегелевской философии, Страхов в 60-е годы по-своему „смирился с действительностью“ и это „смирение“ характерно для всей будущей его деятельности. Правое толкование системы Гегеля не мешало ему находить общий язык с Григорьевым и Достоевским. У них были одни и те же враги – русское левое гегельянство, нигилизм и „теория оторванная от жизни“, и одна и та же любовь – „русская почва“ и „живая жизнь“.

¹⁷ Там же, с. 36.

¹⁸ R. Haym, *Hegel und seine Zeit*, Berlin 1857.

¹⁹ Р. Гайм, *Гегель и его время*, С.-Петербург 1861.

²⁰ K. Rosenkranz, *Apologie Hegels gegen Dr. R. Haym*, Berlin 1858.

²¹ Н. Страхов, *Мир как целое*, с. 37–44.

²² Там же, с. 38.

²³ Н. Страхов, *Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки*, т. 1, Киев 1897, с. 61.

„Нигилисты и западники требуют окончательной плети” (XXIX/1, 113) – писал Достоевский Страхову – и „будущность” обоих писателей однозначно „соединена” с борьбой с нигилизмом. Так Страхов воспринял *Преступление и наказание*, что вполне Достоевский одобрил²⁴. Раскольников-теоретик („видоизменение” Базарова) решил проверить, не он ли выразитель Духа Истории. Он создал теорию и решил по ней жить, но история таких, как Раскольников, „не слушается и идет своим порядком”²⁵. Наступил „разрыв с жизнью”. Цель Достоевского была, пишет Страхов, „изобразить страдания, которые терпит живой человек, дойдя до такого разрыва с жизнью”²⁶.

Без сомнения в понимании „жизни” – „живой жизни” и противопоставлении ее теории – Достоевский и Страхов были учениками Григорьева, а все вместе, по-своему, предвосхитили дильтевскую концепцию познания истории посредством переживания и вчувствования. Жизнь („живая жизнь”) являлась для них иррациональной силой, объединяющей все аспекты истории и культуры, которые не поддаются теоретическому анализу. Отсюда – отрицание „теории”, подчеркивание ее непригодности и бессмысленности по отношению к исторической изменчивости культуры и исторически относительной ценности эффектов человеческой деятельности, взглядов и чувств.

„Во всякой произвольной теории – писал Григорьев, – как бы безотрадна она ни была, есть своя увлекающая сторона: неправда и крайние ее последствия обнаруживаются уже позже...”, когда „начинается реакция жизни против теории”²⁷. И чуть позже в *Парадоксах органической критики*, которых адресатом был Достоевский, он разъяснял: „Для меня жизнь есть действительно нечто таинственное, то есть потому таинственное, что она есть нечто неисчерпаемое [...] – необъятная ширь, в которой нередко исчезает, как волна в океане, логический вывод какой бы то ни было умной головы...”²⁸

Это „живая жизнь с непривычки придавила” героя *Записок из подполья* (V, 176); Разумихин противопоставил „исторический, живой путь”, „живой процесс”, „живую душу” логике и попыткам теоретического установления общественной справедливости (VI, 197); Соня же обрадовалась: „Стало быть, ты в жизнь еще веруешь: слава Богу, слава Богу!” (VI, 399); а сам Достоевский в эпилоге скажет о своем герое: „Вместо диалектики наступила жизнь...” (VI, 422).

Страхов с таким мнением вполне соглашался и в этом ему ничуть не мешал рационализм и Гегелевская философия. Он тоже неоднократно

²⁴ *Биография, письма*, с. 290.

²⁵ Н. Страхов, *Литературная критика*, Москва 1984, с. 108.

²⁶ Там же, с. 101.

²⁷ А. Григорьев, *Критический взгляд*, с. 139.

²⁸ А. Григорьев, *Парадоксы органической критики* (1864), // *Эстетика и критика*, Москва 1980.

говорил о „живой жизни”, о „оторванности” многих теорий от жизни. „Жизнь – пишет Страхов – часто бывает комедией, но в сущности она – глубочайшая драма. Мы не сочиняем этой драмы, но сами в ней действуем, сами поглощены ее завязкою. Эта драма потеряла бы для нас всю свою цену, если бы развязка зависела от нашего произвола, или если бы мы ее знали наперед. Жизнь есть действительное обновление, действительная загадка, и потому великая черта ее открывается в том, что, как неизвестно будущее, так и совершенно неизвестно, что выходит из жизни каждого из нас”²⁹.

²⁹ Н. Страхов, *Мир как целое*, с. 188–189.